

Перед зеркалом в спальне я позволила полотенцу упасть на пол.

У меня все еще была тугая задница моих подростковых лет. Немодно густые светлые волосы. Я рассмотрела свое лицо вблизи. Лицо 42-летней женщины, которая всегда заботилась о своей коже. Плавное, без лишних складчатых линий. Это то, что остается от отказа от макияжа, курения, солнечных ванн, веселья. Я была самым белым человеком из всех, кого знала. Ни тени линии загара. Кто-то мог сказать, что я алебастр. Пастообразная, говорили другие.

Честно? Я не красавица. У меня никогда не было внешности, которая сводила бы мужчин с ума или давала женам повод для ревности. Некоторые мужчины находят меня слегка привлекательной. Большинство этого не делает. Старомодное слово для этого — "простая".

Я никогда не была длинноногой, загорелой, сексуальной милфой из фантастических фантазий ("Ох, мам, ты не старая. Блин, все мои друзья считают тебя самой горячей"). Я была миссис Среднячком. Среднего роста. Среднего возраста. Среднего веса: немного выше среднего. Я не была толстой ни в одном месте, но я была не худой в принципе.

Мой брак распался пять лет назад. С тех пор было несколько мужчин, но за три года ни одного. "Позволить себе расслабиться" - это выражение, как нельзя кстати подходило. Что достаточно справедливо. Я уже давно оставила попытки привлечь мужчину, и это проявлялось в серой одежде с надписью "не смотри на меня", бесполом волосах неопределенной длины, окрашенных в камуфляжный коричневый цвет, и постепенном накоплении килограммов.

Единственное, что не было средним, это моя грудь.

Во мне не было ничего необычного, пока не родился Джек. Они раздулись до комедийных масштабов во время моей беременности и остались такими. Они огромны. Первое (возможно, единственное), на что люди обращают внимание, когда встречаются маленькую мышку, вроде меня.

Пожалуйста, я не хвастаюсь. Я ненавидела их годами. Я не могу сосчитать, сколько раз я хотела, чтобы они были меньше. Не крошечными, просто нормальными. Я часто подумывала об урезании, но с моим ужасом перед операцией легче просто смириться с моей неловко увеличенной грудью.

Под ними скапливается пот. Я не могу бегать — я буду выглядеть нелепо, и, кроме того, им чертовски больно, когда их бьют. Они весят целую тонну. Только самые лучшие бюстгалтеры могут поддерживать их. Но даже самые лучшие бюстгалтеры не могут остановить бретельки, натирающие мои плечи весь день. Моя спина ноет от напряжения. И когда я раздеваюсь, они тянут меня вниз всем своим весом. Спать неудобно.

Вот почему я принимаю так много ванн: это единственное место, где я могу по-настоящему освободиться от их веса.

Не говоря уже о забавных взглядах, шутках о том, что их мультяшные размеры просто вне пределов слышимости. Не думайте, что я не знаю, что говорят люди.

И, вопреки упругости каждой груди в каждой сексуальной истории, которую я когда-либо читала, они обвисают. Иногда я могу убедить себя, что они не так уж и плохи, но я никогда не смогу долго избегать правды: мои огромные молочные железы с их соблазнительной малиной ушли на зиму на юг после моей второй беременности и больше не вернулись.

С другой стороны, они привлекают мужчин. Они являются признаком того, что, несмотря на мешковатую одежду и стрижку палёного цвета, где-то там скрывается настоящая женщина.

И они очень чувствительны. Не то чтобы мужчины знали, что с ними делать, либо случайно лапали их, либо щипали слишком сильно. Каким-то странным образом, который не имеет никакого научного смысла, кажется, что от моих сосков к клитору проходит линия, если с ней правильно обращаться. Прикоснись к одному, и другие покалывают.

Но в наши дни это было спорным вопросом. У меня не было никакого мужского внимания в течение трех лет.

После окончания учебы я остановила свой выбор на приятном, красивом мужчине, оригинальном "Хорошем Добытчике". Я забеременела, потом мы отдалились друг от друга — и поняла, что с самого начала мы никогда не были близки. В конце концов, я не знаю, почему мы вообще вступили в этот брак. Мы достигли спокойной, прохладной, бесполой депрессии; мы могли бы плыть дальше, пока смерть не разлучит нас. Но он встретил кое-кого другого. Мы расстались без всякой вражды и после щедрого разводного соглашения.

С тех пор единственный мужчина, который был хорош в постели, оставил меня, променяв на более красивую модель. На протяжении всей истории у женщин было две валюты: их красота и дырка между ног. Это правда, что мужчины готовы на все ради секса ("Сколько мужчин нужно, чтобы вкрутить лампочку? Только один — но они вкрутят везде, где смогут"), но, учитывая выбор между двумя наборами гениталий, они каждый раз выбирают молодой с красивым лицом.

Может быть, если бы я приложила больше усилий к своей внешности... но в любом случае, никто не хочет связывать себя с неряшливой разведенной женщиной с двумя детьми, которая намеренно прибавила в весе, чтобы все меньше замечали ее сиськи.

Итак, вот она я, в свои 40 лет, одиночка, размышляющая о долгом, удручающем сползании во вторую половину жизни. И вот, пока это происходит, на сцену выходит член моего сына.

Я запахла халат, не придя к решению насчет Джека. Я знала, что я чувствовала — необузданную похоть. Но что чувствовал он?

Тогда я подумала: его эрекция! Пока я массировала его, он быстро становился твердым. Он

протек в течение двух минут после того, как я прикоснулась к нему.

Но не слишком ли много я на себя взяла? Может быть, он все еще был твердым после того, как возился со своей сестрой.

Нет! Я вспомнила, как он стоял в халате, когда я вернулась для нашей беседы. Он никак бы не смог скрыть этот эпический стояк. Так что, должно быть, это был мой массаж плеч, который сделал это. Должно быть, это сделала я.

Итак, был ли это сексуальный контакт? Если бы я переместила свои руки на его пенис и заставила его напрячься, это был бы сексуальный контакт, очевидно. Но движения рук по его плечам, которые заставили его напрячься... что это значило? Можно ли это считать? Неужели я — мы — перешли черту, не зная об этом?

Это вызывало у меня головную боль. Я пыталась трезво смотреть на вещи. Он мой первенец. Я бы надругалась над своей собственной плотью и кровью. Осквернила его невинность. Осквернила его.

Но в течение нескольких минут в моей голове формировался вопрос, и теперь он ярко вспыхнул неоновым светом. - Что, если, - тихо сказала я себе, - что, если он хочет, чтобы его изнасиловали и осквернили?

Просто произнесение этих слов вслух заставило мои соки забурлить.

Но что мне было с этим делать?

Это была бы самая большая авантюра в моей жизни. Я не прирожденный игрок. Я всю жизнь копила деньги на черный день. Я присоединилась к самой скучной профессии в мире. Я открыла в себе фетиш стабильности, безопасности и защищенности. В финансовом плане это сослужило мне хорошую службу. И это было правильно для детей. Но в процессе я пожертвовала своим счастьем, сублимировала свои потребности. Я ставила себя на последнее место в каждом важном решении, которое я когда-либо принимала.

Прошло так много времени с тех пор, как я в последний раз царапала ногтями мускулистую спину, в то время как язык вторгался в мой рот. Так давно я не пробовала мужскую сущность, когда он крепко держал меня за волосы и трахал в рот. Так давно меня, беспомощную, не держали более сильные руки.

Прежде всего, прошло слишком много времени с тех пор, как я сидела верхом на парне. Трахалась, как все.

Это самая естественная вещь в мире, но в то же время самая странная. Миллионы людей делают это каждый день. Набухший придаток другого человека толкается в тебя, а затем еще и

еще — как нашему Создателю пришла в голову эта идея создавать удовольствие и детей? Это не всегда было весело для меня, и это не всегда заставляло меня кончать, но теперь я поняла, как сильно я скучала по этому.

И я хотела, чтобы мой сын делал со мной все это и даже больше. Я хотела развратить его, использовать для собственного удовольствия. Моего дорогого, милого сына. Это было неправильно, но, Боже, это взволновало меня.

Любая другая женщина, вероятно, помастурбировала бы перед сном и проснулась на следующий день как обычно, а эпизод в его спальне остался бы просто приятным, тоскливым воспоминанием, о котором можно фантазировать всю оставшуюся жизнь. Но я всегда находила мастурбацию немного похожей на попытку пощекотать себя или притвориться чихающей. Или чесание от зуда, который возвращается, как только вы перестаете чесаться. Это не помогало.

Мой разум был переполнен. Я не могла думать. Так что на этот раз, на этот раз, я собиралась прислушаться к своему телу. Я стояла на пороге запретного и слушала барабаны джунглей внутри меня, заманивающие меня в темноту. Эта медленная, глубокая пульсация между моих ног говорила мне: "Я никогда ничего так сильно не хотела в своей жизни".

+++

<http://tl.rulate.ru/book/3062/71302>